

9/47)

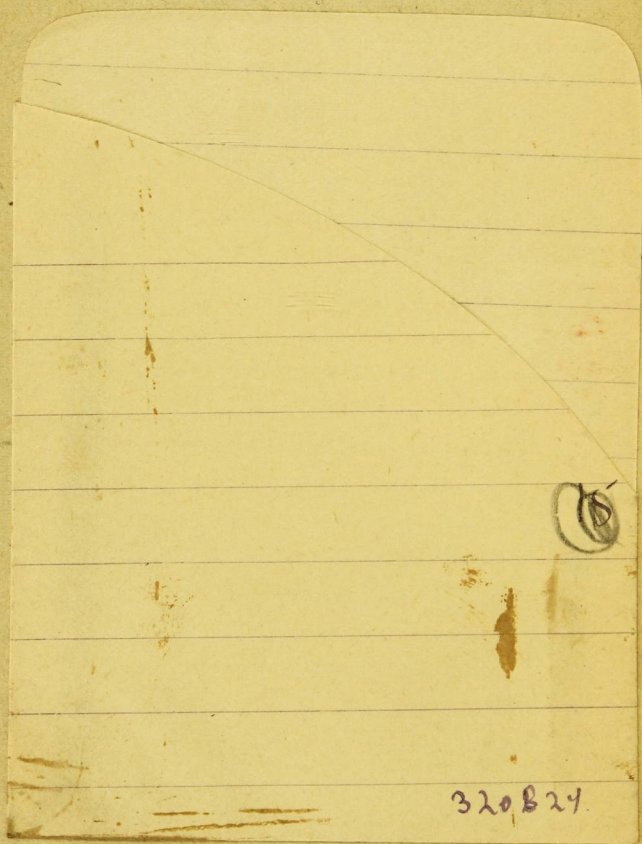
Д181

ДМИТРИЙ ПОЖАРСКИЙ

С 320824

О Г И З
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1 9 4 2

Редактор *Н. Фройнд*

Подписано в печать 26/VI 1942 г. Тираж 200 000 экз. Объем 1 $\frac{1}{2}$ печ. л. 1,16
уч.-изд. л. В 1 п. л. 38,000 зн. А 61128. Заказ № 461. Цена 25 коп.

3-я типография «Красный пролетарий» Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига».
Москва, Краснопролетарская, 16.

ДИМИТРИЙ ПОЖАРСКИЙ

9(47)6/2
Д181

Четко выведены прямые строки древнего письма-полуустава на всей тысяче листов рукописи. Неторопливо, строку за строкой умело выводил тонким гусиным пером богатый опытом писец. Долгие месяцы непрерывного труда прошли, пока написал он твердой рукой последние слова своего повествования:

«Достоинно мне было управлять корабль разума, написав сие все».

Сквозь величавые строки полуустава видна на свету на каждом листе узорчатая вязь водяного знака. Затеялив водяной знак — щит, украшенный звериными фигурами. На некоторых из лучше сохранившихся листов можно разобрать на щите помету — 1610 год. Триста тридцать два года прошло с того времени, когда были сняты еще сырые листы с проволочных сит на бумажной мельнице.

По всем листам рукописи дана внизу «владенная надпись», или скрепа, в разбивку:

«Сия кни-га стол-ни-ка Пе-т-ра Ми-хай-ло-ви-ча Из-май-ло-ва».

Дорог был упорный и долгий труд писца, дорогá была и бумага. Потому и скрепил владелец каждый лист одним слогом своей собственноручной пометы. Переписанная книга была тогда так ценна, что иной раз ее приковывали цепью, чтобы не унес лихой человек.

«Хронографом» называется эта рукопись, принадлежавшая Измайлову. Написан «Хронограф» около 1630 года. Многотрудное дело свое совершил безвестный летописец вскоре после грозных событий, всколыхнувших всю Русскую землю в первые десятилетия XVII века.

Одна за другой бегут по листам черные строки. Неожиданно ярко разрывают черный текст писанные киноварью слова.

В прямых строках строгого полууставного письма многое сберег писец для нас. Но из всех строк дороже нам

9/47/1612 ХМТ 192

те, что заполнены простыми и правдивыми словами об одном из лучших сынов нашего народа — Димитрии Пожарском.

1

От великого князя Всеволода Юрьевича, по прозванию «Большое гнездо», ведут свой род князья Пожарские. От Ивана, сына Всеволода, пошли князья Стародубские, что в шестом колене, с князя Василия Андреевича, стали зваться Пожарскими. Само название Пожарские пошло, как говорят, от главного их селения Погара, опустошенного пожарами в те годы, когда князь Василий Андреевич под знаменем Димитрия Донского защищал Русскую землю в 1380 году на Куликовом поле.

На сторожах степных и лесных засечных чертах держали службу Пожарские-Стародубские. Берегли они рубежи русские от набегов степняков. Не раз рубились в кровавых сечах, оберегая родину. Привыкла к мечу рука, не любо было крутонравым бывать при дворе великокняжеском. Не привычны были к лести и похвальбе, служили просто и честно, нерушимо стоя за Русь.

В опале были Пожарские при Иване Грозном и долго тяготела над ними опала. Крепко «захудал» род Пожарских с середины XVI века. Не стали считаться «родовитыми». Даже в книгах разрядных, где записаны были все именитые роды, перестали писаться Пожарские.

Еще при Иване Грозном родился Димитрий Пожарский, сын князя Михаила Федоровича, по прозванию Глухого, и Марии Федоровны Пожарской, урожденной Беклемишевой. Принято считать, что родился Димитрий в 1578 году, но насколько это верно, трудно сказать.

Известно точно, что в 1598 году молодой князь Пожарский был уже в чине «стряпчего с платьем». Точно известно это потому, что подписал тогда Пожарский вместе с другими соборное определение об избрании Бориса Федоровича Годунова русским царем.

Вскоре после избрания Годунова на царство в опалу попали князь Димитрий и его мать. Чем вызван был царский гнев, мы не знаем. Только в 1602 году, как говорят древние документы, «милость царская воссияла» над Пожарским и его матерью, прощенными и снова приближенными к царскому двору. Несколько лет пробыл при дворе Димитрий Михайлович, но потом отпросился на службу в окраинные города.

Видно, не по душе было при царском дворе Димитрию Михайловичу, чья рука смолоду привыкла сжимать рукоять меча.

Любо было князю Димитрию вглядываться в даль, высматривая зорким взглядом, не вздымается ли где пыль под копытами вражьи коней. Любо было ему вести в бой своих воинов. И много пришлось поработать его мечу.

В 1608 году довелось Димитрию Михайловичу разбить наголову один из отрядов Тушинского вора — Лжедимитрия. Разведчики донесли, что стоит тот отряд в селе Высоком, находящемся примерно в 30 верстах от Коломны. Осторожно и искусно повел Пожарский своих воинов. Ночью подошел неслышно к селу Высокому, на рассвете внезапно напал на засевших в селе. Как повествует «Новый летописец», короток был бой с противником, застигнутым врасплох.

«Поби их язвою великою», — говорит летописец о Пожарском, взявшем здесь богатые военные трофеи.

Много славных боевых дел было у Димитрия Михайловича, когда сидел он затем воеводой в Зарайске.

В суровые те годы немало князей и бояр предавали родину, становились на сторону топтавших Русскую землю вражьи ватаги, пришедших с северо-запада, запада и юга. Но не таков был Пожарский. Вместе со всеми людьми зарайскими дал он нерушимую клятву на верную службу Русской земле.

С ватагами захватчиков и изменников боролся не один Пожарский, боролись и другие. В числе таких верных Русской земле людей был рязанский воевода Прокопий Петрович Ляпунов, освободивший город Пронск. Враги неожиданно осадили Ляпунова в Пронске. Плохо пришлось бы Ляпунову, если бы не пришла подмога.

Дошла до Зарайска весть: в грозную беду попал Пронск.

Быстро собрал Димитрий Михайлович Пожарский свой полк, пришел к Пронску, выручил Ляпунова. Было это в январе 1610 года.

Из Пронска отправился Пожарский вместе с Ляпуновым в Переяславль Рязанский (Рязань), очищая по пути Русскую землю от всякого рода «воров». Возвратился затем Пожарский в Зарайск. Но и здесь скоро нашлась работа его мечу. Неожиданно ночью враги захватили Зарайский острог — городское укрепление, примыкавшее к основному городскому укреплению, кремлю. Пожарский поспешил выйти из кремля с бывшим у него небольшим отрядом.

Стремительным ударом выбил он захватчиков из острога, истребив их без пощады.

Победа была такой неожиданной и такой блестящей, что летописцы приписали ее чуду. Трудно было понять современникам Пожарского, что все дело было в той любви к родине, в той силе, с какой русские люди умеют защищать свою землю, в том мужестве и патриотизме, образцом которого являлся верный сын народа Димитрий Пожарский.

II

Шел 1611 год.

Предательски впущенные в Москву в ночь с 20 на 21 сентября 1610 года, интервенты вместе с изменниками-боярами сидели в Кремле, в сердце страны.

Вспоминали с горечью московские люди, как обманули их князя и бояре, переметнувшиеся к врагу.

Всею была памятна сентябрьская ночь, когда внезапно на улицах Москвы появились вражеские отряды. Бесшумно продвигались по улицам пешие и конные, тряпицами были обвязаны конские копыта. Бесшумно ступали кони по деревянным накатам московских мостовых. Придерживая сабли, пригибались к седельным лукам всадники, скользили пешие, как тени, вдоль улиц. Со свернутыми хоругвями и знаменами неслышно ползли враги к Кремлю.

Распахнула рука Мстиславского и его приспешников кремлевские ворота. Под древними сводами ворот крадучись пробрались в Кремль польские полки. Прошла примкнувшая к ним часть остатков тушинского сброда. Длинной змеей проползли через кремлевские ворота немецкие наемники.

Еще недавно немцы служили за деньги Шуйскому, но в первом же бою они за деньги, полученные от его противников, обратили оружие против Шуйского.

Бледный рассвет разорвал ночную пелену над спящей Москвой. Стали пробуждаться от сна московские люди. Зашумело, застонало от края до края великого города:

— Продали нас бояре! Продали Москву родную! Не в открытом бою, воровски взял враг первопрестольную. Горе нам, горе людям московским.

Зашумел московский люд, да поздно.

За высокой стеной кремлевской крепко засел враг. Глядели сурово из-за зубцов стен и из бойниц жерла пушек. Стояли у пушек уже не пушкарки московские. Хмурыми отблесками светились вражьи латы с древних стен.

— Горе нам, люди русские! Горе-горькое,— только и слышно было в то утро в Москве.

Гневом великим полыхнуло тогда не одно сердце в Москве. Не скорбь, а воля к борьбе засветилась в тот день в глазах закаленных старых бойцов.

Растеклась весть горькая по Русской земле. Зашумела Русь, стала силы собирать для борьбы и победы.

Думу крепкую стал держать народ, как освободить свой стольный город, как изгнать врага с родной земли.

Рыскали по всей стране вражки отряды, сея разрушение и смерть.

Пела скорбную песнь русская женщина. Пела песнь, слезами обливаясь:

Разорили наши дома,
Раскатали наши дворы
И повывели скотинушку.
Разорили да ограбили
Наше тепло гнездышко,
Вековое, насиженное.
Зарубили братьев родных,
Зарубили мужей милых.

О тех черных днях, называя врагов Русской земли «насытными кровожелателями», с гневом писал современник событий в скорбном повествовании, названном «Плач о пленении и конечном разорении превысокого и пресветлейшего Московского государства».

Поведал многое грядущим поколениям составитель «Плача» о времени, когда «великая злоба содеяся и многомятежная буря возвижеся реки крове истекоша».

Называя врагов земли Русской «пагубными волками», поведал составитель о неистовствах «окаянных». Особо отметил он, как наемные «поганые Немцы», приведенные врагами, обогрели «многонародною кровию» землю, выжигая города и села. Заклеймены составителем «Плача» и «домашние врази» — предатели родины, переметнувшиеся к врагам, чтобы помочь им русские села и города «всеядным огнем истребляти и насиле великое царствующему граду творити».

Великое горе-кручину узнал в те годы русский народ. Но больше всего накипело тогда от обид на сердце у людей московских. Пуще всего измывались над ними немецкие наемники. Говорили о них в тот год на Москве:

— Переметная немецкая сума на охульства жадна. Служит немец одному, служит и другому, лишь бы денежки звенели.

Суровым стал московский народ. Нарастал народный гнев. Чуяли захватчики, что быть беде. Стали отбирать топоры и ножи, запретили продавать их в лавках московских. Плотник в город придет — отберут топор. Воз дреколя на топку привезет кто — и воз заберут.

Боялись, что поднимется народ. А уж если поднимется, грозным станет и топор, и нож, и кол!

III

Разгоралась на Руси борьба. Во многих волостях и городах уже поднималось ополчение. Порой уже начинали крутую расправу чинить над изменниками-боярами. Крепко проучили врагов 11 февраля 1611 года владимирцы, заказав им путь в свой город. Кровью напоили захватчиков новгородцы. Очищена была от всяких «воров» Рязанская земля.

В Коломну, куда двинулся Ляпунов, стекался народ. Пока Ляпунов и другие собирались идти на Москву, первым поспешил туда воевода зарайский Димитрий Михайлович Пожарский.

День 19 марта 1611 года в Москве казался обычным днем. Стучали молотки в мастерских ремесленных людей. Спорилось дело у торговых гостей, как звались тогда купцы. Толпился народ на торгах и площадях московских.

Только как будто больно много народа вышло в тот день на торги. Все сильнее шумела Москва, все больше ехало подвод по улицам.

Смекнули тогда враги, глядя на Москву:

— Затекает что-то народ московский. Неспроста, видно, идет суета великая.

Все сильнее доносился в кремлевскую тишину городской гул, нарастал, как глухие раскаты далекого прибоя.

Дан тогда был приказ разгонять народ, забирать подводы и отправлять их возить в Китай-город и в Кремль пушки, зелье (порох) и ядра.

Стали приказ выполнять, да не дали москвичи. Слово за слово, и до кулаков дошло. Пришлось вражьи ратникам за сабли взяться.

Загудел над Москвой набат. Как от искры, вспыхнул гнев народный.

Но враг был хорошо вооружен, а у народа — камень да палка, — вот и все почти его оружие тогда было. Только у некоторых были пистолы и мушкеты. Не подготовлен был

еще путь для мщения народного. Из верных народу воевод оказался в тот день в Москве только один Пожарский с немногими зарайскими ратниками.

Налетели на безоружных вражьи воины, порубили, говорят, в то утро в Китай-городе тысяч до семи. Не считались ни с возрастом, ни с полом.

Разнесся слух о побоище неповинных. В другой стране лютая расправа утратила бы народ, сломала бы сразу его волю к борьбе. Иное дело на Русской земле. Услышав про кровавое дело, ожесточился народ, поднялись все концы Москвы.

Столы и лавки с торгов, возы и ворота, обломки сараев и бревна из мостовых — все взгромоздилось мигом, перегораживая улицы. С опоясавших город стен и башен стащили пушки там, где еще не успели их забрать в Кремль. Загремела пальба с обеих сторон. Круто взялся народ, отрезая врага от главных сил и угрожая ему разгромом.

Сохранилась запись в дневнике одного из тех, кто испытал на себе в тот день гнев русского народа:

«... завязалась битва сперва в Китай-городе, где вскоре перерезали наши людей торговых... потом Белом городе. Тут управиться нам было труднее: здесь посад обширнее и народ воинственнее. Русские свезли с башен полевые орудия и, расставив их по улицам, обдавали нас огнем. Мы кинемся на них с кольями, а они тотчас загородят улицу столами, лавками, дровами; мы отступим, чтобы выманить их из-за ограды, — они преследуют нас, неся в руках столы и лавки. И лишь только заметят, что мы намереваемся обратиться к бою, немедленно заваливают улицу и под защитою своих загоронок стреляют по нас из ружей, — а другие, будучи в готовности, с кровель и заборов, из окон бьют по нас из самопалов, кидают камнями, дрекольем... Жестоко поражали нас из пушек со всех сторон: ибо по тесноте улиц мы разделились на четыре или шесть отрядов. Каждому из нас было жарко».

Действительно, жарко было врагу. Крепко били его люди московские и теснили по улицам и по переулкам. Крепко били, да не пришлось победить в тот день.

Прежде времени восстал народ, к тому же еще и не было вождя у него.

Из тех воевод, что могли бы помочь народу, оказался в Москве только один Пожарский с его малочисленным отрядом. Не собрались еще в Москву люди русские для

великого дела победы. Знал Пожарский, что еще не время было поднимать восстание. Понял все, но стоять в стороне не мог. Верный сын народа стал в ряды бойцов вместе со всеми людьми московскими.

Оказавшись во внезапно восставшей Москве, Пожарский стал помогать повстанцам. Бился вместе с зарайцами против великих вражьих сил. Много свалилось в тот день голов на Лубянке у Острожки — главного оплота Пожарского и его зарайского отряда. Умелыми были удары боевого воеводы, трещали и крошились вражьи кости.

Лихую беду задумали тогда враги пустить на Москву. Огнем решили сдержать народную войну. Еще в первый день восстания буйно загулял огонь вокруг Кремля и по Китай-городу.

Запылала Москва. Светло стало в Кремле, ночью — как днем. Взвилось зарево высокое над городом.

Великие силы навалились на Пожарского и его соратников. Долго отвечали мужественные ударом на удар. Взлетала сабля Дмитрия Михайловича там, где больше всего угрожала опасность. Отражая удары, направлял Пожарский народ на борьбу с огнем.

Неравной была борьба: и врагов без счета и море огненное кругом.

Боролся долго Пожарский, но тяжело был ранен в бою. Упал на землю, обливаясь кровью. Горестно прошептали уста:

— Лучше бы мне умереть, только бы не видеть того, что увидеть пришлось.

Подхватили люди ратные раненого Пожарского, повезли скорее из Москвы.

Подошел к Москве Прокопий Ляпунов со своими ратными людьми, когда уже и дымиться перестало пожарище. Не было единства в отрядах, собравшихся под Москвой. **Избрали трех предводителей: Дмитрия Трубецкого, Прокопия Ляпунова и Заруцкого. Самым достойным из них был Ляпунов.** Да сумел польский гетман Гонсевский оклеветать его, изготовив подложное письмо, в котором от имени Ляпунова писал, что он против казаков, пришедших под Москву. Пал Прокопий под саблями казацкими.

Не пришло еще время свободно вздохнуть русскому народу на освобожденной земле. Не довелось пока победить, но стремление к победе над врагом никогда не покидало русских людей. Неудачи и невзгоды всегда сменялись победой на нашей земле.

IV

Высоко на горе — городская площадь Нижнего-Новгорода. С площади этой звонкий голос Кузьмы Минина прозвучал в сентябре 1611 года призывом к народу.

Высоко поднял свою руку простой русский человек, указывая путь к победе. Набатом раскатился призывный клич по всей русской великой равнине от Каспия до Белого моря. Услышали голос Минина и на Урале и в Сибири. Стал народ собираться под знамя, поднятое им. Твердой рукой создавал народный избранник великое всенародное ополчение для спасения родины.

Спорилось у Минина дело, превращенное усердием его из нижегородского в общерусское. Шли в Нижний-Новгород и отряды и отдельные люди. Шли воеводы и бояре, стольники и князья, дворяне именитые и дворяне худородные, дети боярские и дьяки. Но сила не в них была, а в той толще народной, которая на призыв Минина двинулась в ополчение. Снова предстояло русскому человеку решать судьбу родины.

Для того чтобы решить дело победой, надо было найти опытного военачальника, которому доверил бы народ свое великое дело. Выбор Минина и всего народа пал тогда на Пожарского.

Не случайно доверил народ Пожарскому повести войско для освобождения родины.

Хорошо знал народ о подвигах Пожарского в Зарайске и Пронске, где с достаточной силой проявилась его военная доблесть и воинский талант. Знал народ о героической борьбе Пожарского с вражьей силой в дни московского восстания и о других великих делах уже увенчанного славой военачальника, не щадившего жизни своей для родины.

Из всех богатых боевым опытом военачальников не было тогда ни одного умудренного в ратном деле так, как Димитрий Михайлович. В памяти у всех было, как Пожарский по своему почину присягал в Зарайске на верную службу Русской земле. Далекó разнеслась по всей стране слава о Пожарском.

Выбрали в Нижнем-Новгороде «изо всех чинов всяких лучших людей» и послали их в село Мугреево, где залечивал свои раны избранник народа. Вотчина Пожарского Мугреево находилась в Суздальском уезде.

Не сразу согласился Пожарский на просьбы посланцев стать во главе всего земского ополчения. Скромнен был

Димитрий Михайлович, говорил, что можно найти более достойного, чем он, для такого великого дела. Не один раз пришлось ездить из Нижнего в Мугреево к Пожарскому, пока согласился он принять руководство народным ополчением.

Решил Пожарский принять избрание и сказал:

— Рад я страдать за родину до смерти. Только изберите вы между собой из посадских людей такого человека, который бы мог стоять со мной у великого дела и ведал бы казну, чем жаловать ратных людей.

Сказали Пожарскому посланные, что нет между ними такого. Ответил им князь:

— Есть у вас в городе человек бывалый, что уже много послужил родине. Кузьма Минин-Сухорук этот человек.

Возвратившись в Нижний-Новгород, посланные объявили народу решение Пожарского. С радостью принял решение народ. Требование Пожарского вводило в ополчение нечто новое, небывалое. Стал зваться Минин «выборным человеком».

Принял на себя Пожарский военное командование, а все прочее осталось за «выборным человеком», за Мининым. Развернулся теперь во всем блеске полководческий талант Димитрия Михайловича Пожарского.

V

В совете и в любви с Мининым творил Пожарский дело великой народной борьбы. Порой трудно установить, где заслуги лично Минина и где заслуги Пожарского. Боевыми побратимами стали «выборный человек» Минин и Пожарский, который, подписывая грамоты, сам определял свое звание так: «по избранию всех чинов и людей Московского государства многочисленного войска у ратных и земских дел».

Твердой рукой создавали Пожарский и Минин грозное для врагов ополчение. Опытный полководец стал заводить строгий порядок как в основной, русской части ополчения, так и среди многочисленных отрядов татар, чувашей, марийцев, черемисов, пришедших вместе с русскими защищать родную страну.

Знал Пожарский, что пришел теперь час держать ему ответ перед всей Русской землей. С великим вниманием подходил он к каждому из прибывших в ополчение ратных людей. Дело спасения родины должно было быть доверено

только рукам достойным. Так решил и так поступал Пожарский, отмечая без пощады прочь все, что казалось ему ненадежным.

К Пожарскому, находившемуся в Мугрееве, посылались — видимо, по его же требованию — представители прибывавших отрядов. Так, были посланы из Нижнего в Мугреево представители смоленских людей. Только после переговоров с Пожарским повели смольняне из Арзамаса весь свой отряд в Нижний.

Еще по дороге из Мугреева в Нижний встретил Пожарский дорогобужан и вязьмичей, решивших стать в ряды ополчения. Охотно принял он и смольнян, и дорогобужан, и вязьмичей, потому что люди шли из разрушенных городов своих, чтобы расправиться мечом со своими разорителями.

К концу ноября 1611 года Пожарский и Минин уже увидели первые плоды трудов своих. У них было уже около трех тысяч опытных в ратном деле воинов, не считая тех ополченцев, что впервые сменили плуг и молот на меч.

На «воеводском дворе» в Нижнем-Новгороде у Пожарского кипела работа. Шел усиленный сбор средств «на корм и казну» (довольствие и жалованье) ратным людям. Быстро приводил в боевую готовность Пожарский ополченцев, собиравшихся для решающих боев в Нижний-Новгород. Заботы Минина и Пожарского о довольствии и выплате жалованья привлекали ратников в ряды ополчения.

Необычной была в тот суровый век такая забота о человеке. Многие из современников, сочувствовавших их делу, все же с неудовольствием смотрели на небывалое «учреждение» рати. Требовало такое «учреждение» много времени, сил и средств. Иные несправедливо обвиняли Пожарского в том, что медлит он.

Мудрый полководец понимал лучше других, что действовать надо быстро и решительно. Так и действовал он, но без суеты. Знал он, закаленный в боях, что сторицей воздастся за все труды по упорядочению и обеспечению войска. Уверенно выращивал вместе с Мининым могучую силу народного войска, укреплял внутренний порядок доверенных ему вооруженных сил.

Грамоту за грамотой посылал Пожарский во все концы Русской земли. Первые призывные грамоты были посланы к понизовым городам Волги, лежавшим за Нижним Новгородом. Добрые вести пришли в ответ. Из Казани, из Свияжска, из Чебоксар и других городов извещали, что

«идут все на земскую службу». В начале декабря казанцы уже послали в Нижний-Новгород свой передовой отряд. Присылали понизовые города в Нижний своих представителей «на совет» и «могучую казну», как сообщает «Новый летописец».

В конце ноября знали о деле Минина и Пожарского и верховые города, расположенные по течению Волги выше Нижнего-Новгорода.

Торопили со всех сторон Пожарского скорее идти выручать Москву. Но знал народный избранник, что не настало еще время. Мало еще было войска для такого великого дела. Недостаток был и в боевых припасах и во многом ином. В начале декабря Пожарский с Мининым послали грамоты в Соль Вычегодскую и в Вологду, приглашая «быть с ними в совете и от того совету отступными не быти». «Совет» определил в грамоте так: «Быти нам всем православным христианам в любви и в соединении и прежнего межуссбства не счинати, а Московское государство от врагов наших... очищати неослабно до смерти своей». Восстановить «тишину и благодетельное житие», изгнав прочь «врагов, борющихся и волнующих» нашу родину,— вот что требовали грамоты.

«Для совету» посылали Пожарский и Минин вместе с грамотами своих доверенных людей. Нижегородец Петр Оксенов, смольнянин Недоресков и Иван Угримов ездили из Нижнего с грамотой в Вологду. В Казань ездил Иван Биркин со смольнянами и другими людьми.

Пришли в Нижний коломничи и рязанцы. Пришли и «из украинских городов многие люди и казаки и стрельцы». Пришли с севера из поморских городов «на совет» народные представители и привезли «многую казну».

В конце декабря 1611 года записали доверенные Пожарского и Минина в одной из грамот, что «все города согласились с Нижним понизовые и поморские и поволжские и Рязань, и всякие доходы посылают в Нижний Новгород».

В феврале 1612 года решили Пожарский и Минин, что настал час вести народное войско на врага.

Всеим казалось, что вести войско надо по самому краткому пути прямо на Москву.

Решил Пожарский, по совету Минина, что «короче» будет путь на Москву через Ярославль. Только потом уже стало ясно всем, кому дорого было русское дело, что по виду более длинный путь, избранный Пожарским, был единственным кратким и верным путем к победе.

Еще до выхода ополчения из Нижнего Пожарский быстро снарядил около середины февраля передовой отряд и велел ему «итти на спех в Ярославль». Спешная посылка отряда была вызвана угрозой того, что Ярославль может оказаться в руках врагов раньше, чем придет туда ополчение. Быстрые действия этого отряда имели успех. Не пришлось брать Ярославль силой. Ключ ко всем верховым городам и вместе с тем ключ ко всему северу, каким был тогда Ярославль, остался в руках Пожарского и Минина.

Получив известие об этом успехе, Пожарский решил, что настало время выступить главными силами из Нижнего Новгорода.

В марте началось под знаменем, поднятым Мининым и Пожарским, движение народного ополчения по Волге на Кострому и на Ярославль. По сгромной волжской дуге огибало ополчение центральный район страны.

Где проходили Пожарский и Минин, там оставался надежный, нерушимый тыл.

Радостно встречал народ ополченцев, шедших избавлять землю от врагов. В каждом городе и селе новые и новые люди становились в ряды ополчения.

На первой же остановке, в Балахне, присоединился к ополчению отряд Матвея Плещеева. Юртовские татары присоединились в Юрьевце. Казну и подмогу получил Пожарский и в Кинешме.

В Костроме случилось то, что подтвердило лишний раз глубину замысла народных избранников. Воеводой в Костроме был Иван Шереметев, противник дела Пожарского и Минина. Шереметев не хотел пускать ополчение в Кострому. Пришлось Пожарскому с помощью костромичей вырвать занозу из здорового тела. Убрал прочь Пожарский Шереметева и поставил, по совету с Мининым, в Костроме нового воеводу.

«На подмогу многую казну» получил Пожарский в Костроме. Но самое главное было то, что Кострому он превратил из ненадежного места в крепкий тыл.

Приходили к Пожарскому в дороге гонцы из русских городов, прося помощи. Пришлось отправить на выручку Суздаля отряд нижегородских и балахновских стрельцов с князем Романом Петровичем Пожарским.

Еще по зимнему пути, в конце марта, привел Пожарский ополчение в Ярославль. «С великой честью» приняли

ярославцы избавителей. «Дары многие» поднесли вождям. Но Пожарский и Минин отказались от всех даров.

Выполнил Пожарский свой замысел — укрепил свои силы, идя из Нижнего в Ярославль. Думал только о том, чтобы собрать силу непоколебимую для решающего удара в решающий час.

Четыре месяца простоял Пожарский в Ярославле, увеличивая и упорядочивая свои силы.

Роптали тогда многие, говоря:

— Медлит князь! Напрасно время теряет. Давно бы надо было итти на Москву.

Торопили Пожарского грамотами из Троицко-Сергиевской лавры. Требовали, грозили и умоляли, чтобы Пожарский немедленно шел на Москву. Не понимая подлинных причин, многие считали, что ополчение продолжает стоять в Ярославле из-за какой-то «нерешительности» Пожарского. Неверно это! Именно решительность и воля Пожарского с полной силой сказались в том, что он задержался на необходимый срок в Ярославле и сумел сдержать все порывы, пока не настал час выступить из Ярославля.

Не медлил, а действовал Пожарский, действовал решительно и быстро.

В разных концах страны орудовало тогда немало иноземных отрядов, разорявших страну. В Москве сидели в Кремле предатели-бояре и польские воеводы. Под Москвой стояли отряды Трубецкого и ярого сторонника Тушинского вора Заруцкого. У обоих было много неустойчивых и продажных людей. Хотя Трубецкой боролся против иноземцев, но и он сам и его войско были ненадежными. Дело усложнялось тем, что в Москву должны были прибыть значительные иноземные силы под командованием гетмана Ходкевича. Для того чтобы итти на Москву, прежде всего следовало укрепить тыл. Так и поступили Пожарский и Минин.

По совету «со всей ратью и с властями и с посадскими людьми» были приняты из Ярославля меры для разгрома отдельных вражьих отрядов, особенно тех, которые действовали на путях к Ярославлю и на путях, угрожавших предстоящему движению ополчения на Москву. Лопата-Пожарский, Наумов, Мансуров, Черкасский, Троекуров, Прозоровский и другие руководили действиями отдельных отрядов по указаниям Димитрия Михайловича Пожарского. Хорошо помогал делу ополчения под его началом и Барай Кутумов с романовскими-татарами.

Отряд Лопаты-Пожарского разбил вражеские ватаги в

Пошехонье и затем отправился выручать Кашин. Углич обезопасили отряды, направленные рукой Пожарского из Ярославля. Выручил и укрепил Переяславль Залесский Иван Наумов, посланный Пожарским. Появились «земские» отряды Пожарского в Твери и во Владимире, в Касимове и в Устюжне Железнопольской и в иных городах. От Твери до Рязани выковывал Пожарский крепкий оплот для борьбы на землях, опоясывающих полукольцом Москву с востока, с севера и с северо-запада. Благодаря мудрости Пожарского и Минина Тула, Калуга, Серпухов и некоторые другие города на юге также склонились на сторону ополчения.

Завидуя успехам Пожарского, казачий атаман Заруцкий задумал недоброе дело. «Новый летописец» сообщает, что задумал Заруцкий, «како бы убити в Ярославле князя Дмитрия Михайловича Пожарского», с тем чтобы собранное в Ярославле ополчение «тот збор благополучной разорити».

Послал из-под Москвы Заруцкий для черного дела двух казаков — «Обреска да Стеньку». Стенька сумел устроиться, «у князя Дмитрия живяще на дворе; он же [Пожарский] его кормил и одевал».

Прокравшись в самый дом Пожарского, Стенька сперва искал случая убить полководца во время сна. Не сумев совершить свое кровавое дело таким путем, Стенька решил использовать удобный момент во время какой-либо сутолоки: «умноша зарезати его в тесноте».

Такой случай вскоре представился. Пожарский вышел из съезжей избы для смотра артиллерии, подготавливаемой к отправке в поход на Москву. Как сообщает документ, Пожарский встал у дверей. Казак Роман поддерживал в это время Пожарского под руку: видимо незажившие раны мешали ходьбе. Их окружала толпа. Стенька бросился между ними и хотел ударить ножом Пожарского в живот. Удар пришелся по ноге казака, казак упал и застонал. Димитрий Михайлович, подумав, что в тесноте казак случайно ранен, даже не обратил внимания на то, какая беда грозила ему.

Закричал тогда народ Пожарскому:

— Тебя хотели зарезать ножом!

Убийцу схватили. После пытки признался он во всем. Смертной казни достойны были подлые, но Пожарский не дал их убить. Убийц водили по городам «для обличения», а затем взяли в поход под Москву. Каялись убийцы перед всем войском, а в том числе и перед теми, кто принадлежал к отряду бежавшего к тому времени Заруцкого.

Гнусная попытка Заруцкого обратилась против него самого.

Заруцкий бежал, а Трубецкому осталось только одно — присоединиться к ополчению.

Так за время ярославской стоянки Пожарскому удалось обезвредить казачьи таборы, стоявшие под Москвой. Отряды, посланные Пожарским, укрепили дело ополчения в огромной части страны. За четыре месяца в Ярославле была проведена большая работа по установлению порядка в стране, по созданию центральных правительственных органов, по собиранию и упорядочению средств и сил для борьбы. Теперь можно было приступить к походу для освобождения Москвы, а вместе с ней и всей Русской земли.

VII

В июле в Ярославле стало известно, что к Литве идет с обозами и со свежими силами гетман Ходкевич. Пожарский и Минин поняли, что настал час выступить из Ярославля на Москву.

Во второй половине июля спешно послали в Москву передовой отряд из четырехсот конных воинов.

Пожарский приказал отряду идти спешно и стать под Москвой у Петровских ворот, построив там небольшое укрепление — острожек. Соединяться же с таборами, стоявшими под Москвой, запретил. Отряд прибыл под Москву 24 июля. Через 9 дней прибыл в Москву посланный Пожарским второй отряд из семисот воинов. Новый отряд также стал отдельно от казачьих таборов, построив себе укрепление-острожек у Тверских ворот.

Посланные Пожарским отряды сделали великое дело. Все, что происходило в Москве и под Москвой, стало теперь под непосредственное наблюдение Пожарского.

26 июля 1612 года Пожарский повел главные силы из Ярославля на Москву.

Во время похода Пожарского иноземные наемники обратились к нему с предложением своих услуг. Русские поблагодарили иноземных «господ» за ревность и усердие, сказав, что не нуждаются в них.

«Ныне,— говорили русские,— наемные ратники и воеводы нам не надобны; все чины Русского государства за разум, правду, дородство и храбрость избрали и ратным и земским делам стольника и воеводу князя Димитрия Михайловича Пожарского-Стародубского. Все россияне жертвуют

и жизнью и имуществом за православную веру, мы служим отечеству без жалованья, сражаемся с врагами неутомимо, бьем их и очищаем от них Московское государство».

Хорошо сказано в одном из документов того времени о немецких наемниках, предлагавших свои услуги ополчению.

«Вся земля», как говорит документ, определила тогда, что «наемные ратные немецкие люди» не надобны прежде всего потому, что «верить им, немцам, нельзя».

В ответе, посланном немцам, Пожарский проявил даже «участие» к ним, посоветовав больше не приходить в Россию, чтобы «себе своим приходом убытков не чинить».

Отклонил Пожарский все предложения соединиться, присланные стоявшим под Москвой Трубецким, ненадежность которого, как и его войска, хорошо знали в ополчении.

Иное было отношение Пожарского и Минина к тем, преданности которых родине можно было верить. Еще до выступления Пожарского из Ярославля приезжали туда из-под Москвы представители ратных людей, пришедших из украинских городов и стоявших в Никитском острожке. Обласкали тогда Минин и Пожарский Ивана Кондырева да Ивана Бегичева с товарищами, присланных ратными людьми из украинских городов. Дали им денег и сукон, потому что «князь Димитрий и все ратные их знаху и службу их ведяху».

Когда ополчение дошло до Троицко-Сергиевской лавры, прискакал из Москвы Василий Туренин с вестью, что гетман Ходкевич может вскоре вступить в Москву. Отправил обратно Пожарский Туренина с приказом стать у Чертольских ворот. Вслед за Турениным быстро выступило все войско Пожарского в поход.

Переночевав на Яузе, в 5 верстах от Москвы, Пожарский прибыл 20 августа с основными силами и стал у Арбатских ворот.

На следующий день подошел к Москве гетман Ходкевич и остановился на Поклонной горе.

Ровно на один день опередил противника русский полководец. Теперь Ходкевич без боя уже не мог вступить в Москву для соединения с засевшими в Кремле сторонниками.

На главном направлении, у Арбатских ворот, стояли основные силы Пожарского, преграждая путь Ходкевичу, пришедшему по Смоленской дороге. У других московских ворот стояли отдельные отряды Пожарского.

Значительное число войск принадлежало стоявшему давно

под Москвой Трубецкому. Присоединиться к нему Пожарский не хотел.

Решение это было вполне правильным, особенно потому, что Трубецкой настаивал на сосредоточении всех сил у его лагеря, в Замоскворечье. Принять такое предложение Пожарский не мог, так как этим Ходкевичу дана была бы возможность прорваться к Кремлю со стороны Арбатских ворот.

Заняв место у Арбатских ворот, Пожарский стал на главном направлении, по которому должен был пройти к Кремлю Ходкевич.

В случае вылазки противника из Кремля войска Пожарского могли оказаться между двух огней.

Стало ясно теперь каждому, кому была дорога родина, как мудро поступали Пожарский и Минин, накапливая свои силы. Ведь даже ко времени прихода в Москву у Пожарского было меньше войск, чем у противника, стоявшего у порога Москвы со своими главными силами и владевшего основным ее укреплением — Кремлем.

В пять часов утра 22 августа завязался бой. Переправившись через Москву-реку у Новодевичьего монастыря, Ходкевич обрушился со всеми своими силами на войско Пожарского. Кремлевский гарнизон сделал вылазку и ударил в тыл русским. Трубецкой бездействовал. Стойко дрались воины Пожарского и Минина. Семь часов длился бой, уставать стали русские ратники. Много помогли тогда делу пять отборных конных сотен, отправленных еще до боя Пожарским Трубецкому. Устремились они внезапно, перешли Москву-реку у Крымского брода и ударили во фланг Ходкевичу. Стремительный бросок свежей конницы был подкреплен отдельными казачьими отрядами, самовольно, без разрешения Трубецкого, бросившимися в бой. Увлекли их с собой отважные конники, посланные ранее к Трубецкому и ставшие неожиданным резервом для удара в решающий час.

Отступил с великим уроном Ходкевич, загнаны были обратно в Кремль вышедшие из него. Победил Пожарский, приказав противнику путь к сердцу Москвы.

24 августа, собравшись с силами, попытался Ходкевич разбить Пожарского, прорываясь в Москву с юга, от Донского монастыря. Но и этот замысел злодея разгадал Пожарский, сосредоточив свои войска на этом решающем теперь направлении. Закипел бой в Замоскворечье. Крепко навалился Ходкевич всеми силами, жертвуя всем, чтобы проложить себе путь к Москве.

Стойко оборонялись русские патриоты, но велики были силы у противника, стал он теснить русское войско. Помог тогда Минин, с отборными сотнями ударил он в тыл, сея смятение.

Присоединилось к Минину немало казаков из отряда Трубецкого, воодушевленных примером его.

Поднял пеших в тот час Пожарский, с новой силой ударил он в лоб противника, разбил и отбросил его прочь от Москвы. Великий урон понес Ходкевич. Почти весь обоз его достался русским. Отступил гетман от Москвы, дав знать в Кремль, что наберет новые силы и снова придет. Но больше приходить под Москву Ходкевичу не пришлось.

Отгнав главные силы врага от родной Москвы, Пожарский принялся за освобождение сердца города — Кремля — от засевших в нем противников. В конце октября произошло объединение всех сил, приведенных Пожарским и Трубецким. Подходили на помощь новые отряды, привел ратников из Северной земли Тюфякин, приходили и другие отряды. На случай возвращения Ходкевича приготовили ему еще более достойную встречу, соорудив рвы и валы. В октябре был освобожден Кремль.

Крепко досталось врагам, засевшим в Кремле. Составитель упоминавшегося «Плача» повествует о них:

«...плоти человеческие ядоша и кровь пьюща и с жребия друг друга убиваша и ядуще».

И в Китай-городе и в Кремле русские нашли чаны, в которых варилось человеческое мясо убитых по жребию.

Осажденные даже выкапывали трупы и пожирали их. «Новый летописец» сообщает:

«Да не токмо, что Русских людей побиваху и ядыху, но и сами друг друга побиваху и ядыху. Да не токмо живых людей побиваху, но и мертвых из земли раскопываху: как убо взяли Китай[-город], то сами видехом очима своими, что многие тчаны насолены были человекиною».

1 ноября 1612 года Москва праздновала свое освобождение.

Записал летописец в «Хронограф» строгими рядами древнего полуустава:

«Прииде в Москву князь Димитрий Михайлович Пожарский и Кузьма Минин со многими вои [воинами]. И благим добронравием своим, аки солнечного любовного луча светом, собрав воедино храброе воинство, — освободило Русь».

VIII

После победы роль Пожарского как полководца и государственного деятеля становится мало заметной и особенно ограниченной после избрания царем Михаила Федоровича Романова.

Видимо, любовь народа к своему избраннику делала его опасным в глазах царя и его приближенных, тщательно отстранявших Пожарского от больших дел.

Не пускали Дмитрия Михайловича к большим делам, но пришлось ему еще немало потрудиться. Посылали его не раз на трудные и опасные дела.

В 1615 году в Северских землях орудовала большая банда Лисовского. Послали тогда Пожарского. В битве возле Орла у Лисовского оказалось втрое больше сил, чем у Пожарского. Уговаривали Дмитрия Михайловича отступить. Ответил тогда Пожарский:

— Лучше погибнуть, нежели бежать от врага.

Ответил так Пожарский и тяжелое поражение нанес врагу, разбив его и взяв немало пленных.

В 1617 году вторгся в пределы России помышлявший о престоле для себя польский королевич Владислав. Многие из воевод покинули тогда доверенные им города. Иные сдались королевичу и присягнули ему. Обратились тогда из Калуги и из других городов к царю, прося прислать ратных людей. Послали царю просьбу, чтобы привел ратников не кто иной, как Дмитрий Михайлович Пожарский. Пришел Пожарский по призыву народа и разбил врага. Сражался Пожарский и в 1618 году, обороняя Москву, которой опять угрожала опасность.

Потрудился много Пожарский и для мирных дел. Ведал Ямским приказом с 1619 года, а с 1624 по 1628 год стоял во главе Разбойного приказа, в котором разбирались дела о воровстве, грабежах и убийствах. С 1629 года был Пожарский воеводой в Новгороде, откуда пришлось ему вести много дел с правителями шведскими. Ведал в 1636—1637 годах Судным приказом. Укреплял Москву в 1637 году, когда была угроза нападения крымского хана Нурыядина на Россию. В апреле 1638 года назначен был полковым воеводой в Переяславль Рязанский на случай войны с крымцами, которая, однако, не состоялась. Не один раз участвовал Пожарский в переговорах с иноземными послами, отстаивая интересы родины.

20 апреля 1642 года не стало Дмитрия Михайловича

Пожарского. Ускорил его смерть, возможно, «черный недуг», на который еще задолго до кончины жаловался он.

Скорбно склонил народ голову над телом своего избранника, украсившего подвигами историю борьбы за нашу родину.

Бережно несут через столетия русские люди память о мужественном предке, великий образ которого вдохновляет нас теперь в нашей борьбе.

На Красной площади Москвы возвышается памятник, украшенный простыми словами: «Гражданину Минину и князю Пожарскому — благодарная Россия».

Разгромив немецкие войска под Москвой, Красная Армия отбросила врага прочь от сердца страны.

Под знаменем великого Сталина доблестные советские воины громят и истребляют врагов, пробравшихся на территорию нашей родины.

И звенит над страной, призывая к новым победам, славное имя Дмитрия Пожарского.

Цена 25 коп.

Общ. эк.